

Вернувшись в кабинет, Морис привычно погрузился в работу. Вглядываясь в бесконечные строчки данных на мерцающем экране терминала, он вдруг нахмурился и прижал пальцы к вискам — навалилось глухое, раздражающее беспокойство.

Перед глазами упрямо, вопреки его воле, возникал один и тот же образ: те двое, стоящие непозволительно близко друг к другу.

Морису казалось, что ему всё равно. И всё же это мимолётное воспоминание, подобно невидимому сквозняку, раз за разом тревожило зеркальную гладь его души, рождая едва заметную рябь.

Он опустил голову. На обычно безупречном, холодном лице проступило редкое, едва уловимое смятение.

В дверь негромко постучали.

— Разрешите, генерал? — Кэти заглянула в кабинет.

Морис поднял голову. Смятение исчезло, уступив место привычной строгой маске. Посмотрев на вошедшую помощницу, он сухо спросил:

— Что у тебя?

— Сегодня пятница, сэр, — с вежливой улыбкой ответила Кэти. — Мне бы хотелось уйти вовремя. Все документы я уже отсортировала. Перенаправить их вам?

Она работала под его началом уже не первый год и успела хорошо изучить характер своего командира, а потому не испытывала перед ним того священного трепета, который сковывал остальных подчиненных.

Морис ненадолго задумался. В памяти вновь всплыло чужое бледное лицо. Он едва заметно нахмурился, и в его глазах промелькнуло редкое колебание.

— Скинь мне только самые срочные. Остальное... подождет до понедельника.

Кэти на мгновение растерялась от неожиданности — за все годы службы она впервые видела, чтобы генерал добровольно откладывал дела. Впрочем, она быстро справилась с удивлением и ровным голосом ответила:

— Слушаюсь, генерал. Если больше никаких распоряжений не будет, я могу идти?

Морис коротко кивнул. Избавившись от лишних мыслей, он вновь углубился в чтение отчетов на экране.

Отослав те немногие срочные файлы, что оставались на сегодня, Кэти принялась за мелкие рутинные задачи. Мысли её невольно уносились домой, к мужу и трехлетней дочурке, по которым она невероятно соскучилась за время затянувшейся командировки. Кэти выдвинула ящик стола и достала небольшую фоторамку. Снимок, где они с супругом счастливо улыбались, обнимая малышку, заставил её потеплеть взглядом. Проведя пальцем по стеклу, она на пару минут забылась, уплывая в приятные мечты.

Из задумчивости её вывел тихий щелчок автоматического замка: генерал Морис выходил из своего кабинета — на удивление рано. Подтянутый, в безупречно отутюженном мундире, он шёл уверенной, холодной походкой. Шёлковые золотые волосы струились по плечам, а лицо казалось застывшей ледяной маской. Не сбавляя шага, он прошёл мимо стола своей помощницы.

Проводив его удивленным взглядом, Кэти заглянула в открытую дверь кабинета. Внутри царил полумрак. Невероятно: неужели генерал ушёл со службы раньше неё самой?

Она недоверчиво покачала головой. Всё-таки в последнее время её строгий начальник неуловимо менялся. Куда-то исчезала прежняя, граничащая с безжалостностью глухая отстранённость. Неужели он наконец-то начал оттаивать?

Кэти невольно улыбнулась. Пожалуй, нынешний Морис нравился ей куда больше того, каким он был полгода назад. Тогда его холодность казалась не глухой стеной безразличия, а утончённой, благородной сдержанностью, присущей высшей аристократии.

Спускаясь в стеклянной кабине скоростного лифта, Морис задумчиво разглядывал раскинувшийся внизу Сектор Роедлас. Огни ночного мегаполиса переливались всеми цветами радуги, а за ними, у самого горизонта, угадывалась бескрайняя лазурная гладь океана.

Он негромко вздохнул. Морис и сам не мог бы объяснить, почему ноги несли его именно сюда, в квартиру в Секторе Роедлас? Но когда створки двери разошлись и перед ним предстал взъерошенный Хань Цзин с настоящим гнездом на голове, генерал, вопреки обыкновению, не ощутил даже тени раздражения.

В гостиной царил неопиcуемый хаос: пол и мебель были погребены под ворохом исписанной бумаги. Хань Цзин, забравшись с ногами на диван, лихорадочно строчил в блокноте, выводя одну сложнейшую формулу за другой. Обычно мягкое, приветливое лицо юноши сейчас застыло в предельной сосредоточенности. Он был полностью поглощён работой, не замечая ничего вокруг.

Стоило Морису сделать шаг вглубь комнаты, как Хань Цзин, даже не подняв головы, рявкнул:

— Да не шуми ты! У меня тут самый важный момент!

Генерал замер на пороге. Таким резким и эмоциональным он видел Хань Цзина впервые. Удивительно, но это не вызвало гнева. Морис молча, стараясь не шуметь, прикрыл дверь и стал аккуратно собирать разбросанные по полу листы с расчётами.

С десятком исписанных страниц, он отступил к стене и принялся внимательно изучать вычисления. По мере того как он вникал в суть формул, в его холодных лазурных глазах разгорался искренний, живой интерес.

Прошло немало времени, прежде чем Морис закончил с первой пачкой и перешёл к следующей стопке черновиков.

Вдруг Хань Цзин победно вскрикнул — его явно осенило решение. Счастливый, он вскинул голову и обомлел, наткнувшись взглядом на стоящего перед ним генерала.

"Как он здесь оказался?!"

Хань Цзин нелепо подскочил на диване. Окинув растерянным взглядом разгромленную комнату, он смущённо замялся:

— Ты... давно вернулся? Почему так рано?

— Я сейчас всё приберу, в секунду! — Хань Цзин торопливо влез в тапочки и принялся лихорадочно сгребать бумажные листы с дивана и ковра. Собрав приличную охапку черновиков, он уже собрался было уйти с дороги Мориса, как перед его лицом возникла изящная мужская ладонь, удерживающая несколько исписанных страниц.

— Весьма неординарный подход, — негромко произнёс генерал.

— Ты... разобрался в моих каракулях? — изумленно выдохнул Хань Цзин, переводя взгляд с формул на бесстрастное лицо собеседника.

— Кое-какие моменты мне не до конца ясны, — ровным тоном ответил Морис. — Но ты мог бы мне их разъяснить. Если, конечно, не против.

— Я бы с радостью, но... не хочу заставлять тебя поступаться принципами.

За последние месяцы он не раз порывался высказать всё, что накопилось на душе. Однако, зная маниакальное стремление Мориса строго разделять личную жизнь и службу, Хань Цзин раз за разом давил в себе эти порывы. Ему отчаянно хотелось поделиться трудностями с самым близким человеком, но обременять Мориса своими проблемами он не желал.

Голос генерала зазвучал чуточку теплее:

— Я дам тебе шанс. Составь официальный рапорт и подай его мне по всей форме, как мой подчиненный. Если аргументы окажутся убедительными, я сам разберусь с остальным.

— Морис... — прошептал Хань Цзин.

В душе разлилось щемящее тепло. Не сдержав порыва, он шагнул вперед, крепко обнял генерала за шею и вовлек в поцелуй, прижавшись к его прохладным, мягким губам.

Морис мгновенно окаменел. Несмотря на то, что они каждую ночь делили одну постель, предаваясь безумной страсти, при свете дня он всё ещё отчаянно противился этой близости. Разумом он отвергал Хань Цзина, а ночные ласки оставались лишь следствием древнего зова Атлантиды, сковавшего их нерушимыми узами...

Морис резко нахмурился. Не позволяя опасному жару разгореться в груди, он перехватил Хань Цзина за плечи и бесцеремонно толкнул обратно на диван. В его потемневших глазах вспыхнуло явное раздражение.

Юноша лишь обезоруживающе улыбнулся. Судя по всему, к такому приёму он уже успел привыкнуть.

Морис, сохраняя ледяную маску, убедился, что юноша не ушибся, и развернулся, намереваясь вернуться в кабинет.

— Постой... Ты занят сегодня вечером? — окликнул его Хань Цзин.

Генерал остановился и обернулся, смерив его подозрительным взглядом:

— А что?

— Роджер устраивает ужин, — начал Хань Цзин, в глубине души не надеясь на успех. — Он пригласил меня. И... звал тебя тоже.

Будь здесь сам Роджер, он бы наверняка разразился отборной бранью — пригласить по собственной воле этого ледяного истукана он не решился бы даже под дулом пистолета. Но Хань Цзин, в сущности, не врал: старший товарищ действительно позвал его в гости и в приказном тоне велел привести свою «половинку», дабы лично оценить выбор верного друга. Бедный Роджер и помыслить не мог, что избранником его младшего сокурсника окажется их грозный главнокомандующий, встречи с которым он избегал всеми силами!

— Роджер? — в голосе Мориса промелькнуло удивление.

— Обычный тихий ужин в кругу семьи, ничего официального, — поспешно зачастил Хань Цзин, лихорадочно придумывая, как бы половчее уговорить генерала. К его изумлению, тот согласился без лишних уговоров.

— Хорошо, — Морис брезгливо окинул взглядом его помятый вид и нахмурился. — Только сначала умойся и причешись. На кого ты похож?

— Серьёзно?! — Хань Цзин от радости едва не подпрыгнул, глупо уставившись на него. Неужели всё действительно прошло так просто? Это казалось сном.

Генерал одарил его колючим, пронзительным взглядом.

— Я мигом, Морис! Жди меня! — парень пулей сорвался с дивана.

Проводив взглядом умчавшегося в ванную юношу, Морис позволил едва заметной, мимолётной усмешке коснуться губ. Но в следующее мгновение его лицо вновь приняло суровое выражение: он вспомнил о последнем рапорте Роджера, и мысли его приняли тревожный оборот.

Они поднялись из глубин Базы № 9 и миновали усиленные блокпосты грузового терминала. Кровавый закат окрасил небо в багровые тона. Был тихий вечер, глухие удары приливных волн доносились издалека, а в прохладном воздухе отчетливо чувствовался терпкий, солоноватый запах океана.

Хань Цзин буквально светился изнутри. В его антрацитово-чёрных глазах плясали весёлые искорки, хотя сквозь радость всё же проступало лёгкое, едва уловимое волнение.

«Как-никак, наше первое настоящее свидание...» — Хань Цзин довольно прикусил губу. Он обернулся к спутнику, но, заметив выражение его лица, сразу посерьёзнел:

— Морис, тебе плохо?

Тот лишь крепче сжал челюсти. Генерал заметно побледнел, отчаянно борясь с внезапным приступом тошноты, которую вызывал в нём резкий морской запах.

Кое-как совладав с накатившей дурнотой, он процедил сквозь зубы:

— Всё в порядке. Кто поведет машину? Ты или я?

Хань Цзин распахнул дверцу своего скромного авто. Глядя на эту выдавшую виды развалюху, он виновато улыбнулся:

— Я знаю дорогу к Роджеру. Если ты, конечно, не побрезгуешь...?

Морис, чувствуя, как внутри нарастает дурнота, спорить не стал и молча скользнул на пассажирское сиденье. Щелкнул ремень безопасности. Генерал застыл, пряча странное недомогание за маской привычного высокомерного равнодушия.

Хань Цзин глубоко вздохнул, пытаясь мысленно отгородиться от исходящей от пассажира ледяной ауры.

Старенький двигатель завёлся со свистом и натужным скрежетом. Юноша виновато улыбнулся безучастному спутнику и резко нажал на газ, направляя машину к выезду на автостраду.

Трехсотмильный хайвей, проложенный вдоль побережья Флориды, ровной серой стрелой уходил за горизонт, теряясь в мерцающем мареве далёких городских огней.

Сумерки сгущались стремительно. Небо на глазах меняло оттенки: от нежно-розового до густо-фиолетового, пока наконец не накрыло побережье глубокой синевой. Вокруг воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным, усыпляющим рокотом прибоя. В приоткрытое окно врвался прохладный ветер, принося с собой то сильный, то едва уловимый запах соли и водорослей.

Морис упорно молчал. Проклятая дурнота не отступала ни на шаг, продолжая терзать желудок. Но чем хуже ему становилось, тем сильнее он замыкался в себе, словно выстраивая вокруг глухую ледяную стену. Он ни на йоту не желал выдавать собственную уязвимость — с той же фанатичной упрямостью, с какой по ночам сдерживал пламя бушующей внутри страсти.

Почувствовав, как в салоне становится физически холодно от тяжелой ауры соседа, Хань Цзин решил, что генерал злится из-за поездки. Промучившись сомнениями добрую половину пути, он негромко произнёс:

— Морис, я не хочу тебя принуждать... Если тебе совсем не хочется ехать, мы можем...

— Это тебя не касается, — оборвал его Морис сквозь зубы. Сдерживая рвотный позыв, он заговорил сухим, властным тоном: — Следи за дорогой.

Несмотря на резкость ответа, на душе у Хань Цзина мгновенно просветлело, словно солнце вышло из-за туч. Взглянув на приближающееся созвездие городских огней, он почувствовал, как сердце наполняется щемящей нежностью.

— Ладно тебе, — мягко улыбнулся юноша. — На дворе выходные, выкинь наконец службу из головы и постарайся просто отдохнуть.

Морис лишь молча нахмурился. У него не было ни малейшего желания поддерживать разговор.

Но Хань Цзин, как всегда, не терял надежды расшевелить его:

— Какую музыку ты любишь, Морис? Классическую или что-то современное?

С трудом подавив очередной спазм тошноты, генерал глухо ответил:

— Без разницы. Я не увлекаюсь музыкой.

— Хм... тогда рекомендую восточную классику. Наверняка ты такое редко слышал, — Хань Цзин коснулся сенсорного экрана, выбирая любимую мелодию, и повернулся к спутнику, но осёкся на полуслове.

Морис слегка отвернулся к окну. Его лицо казалось бледным, почти прозрачным, золотистые пряди растрепались, а от привычной царственной осанки не осталось и следа. Вместо того чтобы сидеть по-военному прямо, он бессильно привалился к стеклу дверцы, прижав ладонь ко лбу.

— Морис... Тебе действительно нехорошо? — встревожился Хань Цзин, наконец осознав причину его молчания.

Беспрестанная болтовня юноши казалась Морису невыносимой — словно назойливая птица без умолку трещала над ухом. Он резко повернул голову. Его красивое лицо мгновенно покрылось ледяной коркой, а в глубине лазурных глаз вспыхнул гнев.

— Я уже предупреждал тебя: за какое бы дело ты ни брался, делай его сосредоточенно. И вождение — не исключение, — в его холодном, обычно лишенном интонаций голосе отчётливо проступили яростные нотки.

Вздвогнув от неожиданности, Хань Цзин послушно умолк, так и не поняв, чем заслужил этот выговор. В салоне наконец воцарилась тишина, однако навязчивая дурнота по-прежнему изнуряла генерала.

Вскоре машина въехала в оживлённые кварталы Золотого берега Флориды. Ночь уже полностью вступила в свои права. Улицы среди сияющих небоскребов бурлили толпами праздных прохожих, а стеклянные витрины торговых центров переливались миллионами неоновых огней, завлекая людей в объятия вечно бодрствующего города.

Припарковав машину у обочины, Хань Цзин поспешил к своему спутнику.

Несмотря на то что Морис старался держаться в тени, его фигура в безупречном мундире, струящиеся по плечам золотые волосы и точёное, словно высеченное из чистейшего льда лицо мгновенно приковывали к себе взгляды прохожих. Некоторые излишне смелые девицы порывались подойти познакомиться, но стоило им разглядеть золотые знаки различия на его плечах и натолкнуться на колющий взгляд пронзительных лазурных глаз, как вся их спесь улетучивалась. Люди испуганно пятились, невольно расступаясь перед ним.

Подойдя поближе, Хань Цзин поёжился от исходящего от него авторитета и натянуто улыбнулся, пытаясь разрядить обстановку:

— Надо бы купить какой-нибудь подарок. Неудобно идти в гости с пустыми руками.

Глоток прохладного ночного воздуха привел Мориса в чувство. Тошнота наконец немного отступила, и выражение его лица смягчилось.

— Куда ты хочешь пойти?

— Ну... — Хань Цзин озадаченно почесал затылок. — Роджер обожает дорогие бренды. Я думал пойти в универмаг «Санта», там вроде неплохой выбор?

— «Санта»? — Морис скептически изогнул бровь. — Там продают товары для среднего класса, уровень не тот. Лучше пойди в бутик «Моника», — посоветовал он ледяным тоном. Судя по его манерам, в элитном шоппинге он ориентировался безупречно.

— В «Монику»? — растерялся юноша и смущённо улыбнулся:

— Если честно, я там ни разу не был, Морис...

Родись он в начале двадцать первого века, его образ жизни назвали бы типичным словом «домосед».

Генерал несколько не удивился его признанию:

— Это недалеко отсюда, прямо на набережной Золотого берега.

Пока они шли по просторному променаду, Морис продолжал собирать восхищённые взгляды. Шедший чуть позади Хань Цзин то и дело ловил обрывки приглушённых перешёптываний. Людей завораживала не столько классическая красота незнакомца, сколько его редкая, осязаемая аристократическая аура.

В двадцать четвёртом веке, когда пластическая медицина и генная инженерия могли сотворить любой шедевр, смазливые лица никого не удивляли. Но подлинное, благородное

величие, сквозившее в каждом плавном жесте, невозможно было купить ни за какие деньги — оно ковалось поколениями благородных предков.

«Рядом с ним я чувствую себя той самой сказочной жабой, умудрившейся отхватить прекрасного белого лебедя...» — со свойственной ему иронией подумал Хань Цзин, но на душе у него сделалось удивительно тепло и спокойно.

<http://bllate.org/book/19677/1960255>